

последнего» (с. 245—246). Однако ранее исследователь признавал, что «министр не мог ограничиться работой исключительно во благо собственного ведомства» (с. 208), писал об «амбициозных проектах отдельных государственных деятелей» (с. 105), о том, как «министр финансов, пользуясь своим немалым влиянием, активно вмешивался в работу прочих ведомств», а «Плеве в качестве министра внутренних дел небезуспешно боролся с попытками Витте явочным порядком расширить сферу своей компетенции» (с. 227—229). Автор не пытается примирить эти противоречия (иногда даже может показаться, что он их вовсе не замечает). Но тут, конечно, не так просто провести чёткую грань между противоречивостью суждений учёного и антиномиями самой изучаемой эпохи, которые историкам ещё предстоит выявить и точно сформулировать.

**Дмитрий Андреев: «Бюрократическая империя» и её «правлящая корпорация» в современном исследовании\***

*Dmitry Andreev (Lomonosov Moscow State University, Russia): «Bureaucratic empire» and its «ruling corporation» in modern research*

DOI: 10.31857/S086956870016232-6

К.А. Соловьёв указывает на давно назревшую потребность пересмотреть такие безнадежно устаревшие штампы, как «абсолютизм», которые «прочно укоренились в историографии и порой определяют современное понимание процессов столетней давности» (с. 25—26). Это нельзя не приветствовать, однако изменение обобщающих выводов возможно лишь при новом осмыслении конкретных фактов, кажущихся давным-давно и совершенно однозначно объяснёнными. Разумеется, как справедливо пишет автор, «трудно строить утверждения на слухах и домыслах, распространённых в обществе и получивших отражение в мемуарной литературе. Иных же источников — очень мало» (с. 230). Однако если их «мало», из этого отнюдь не следует, что надо обходиться вовсе без них, довольствуясь тем, что оказывается под рукой, и объясняя сложнейшие «влияния» на царские решения «простой» ссылкой на слова того или иного современника, часто тенденциозно настроенного и далеко не всегда и не обо всём осведомлённого.

Так, опираясь на высказывания Н.М. Чихачёва и гр. В.Н. Ламздорфа, с тревогой отмечавших после кончины Александра III неготовность его сына к исполнению новой миссии, автор заключает, что Николай II был «вечно колебавшимся и оказывавшимся под влиянием своего ближайшего окружения» (с. 70—71). Тем самым, по сути, воспроизводится ещё один чрезвычайно живучий историографический миф, тогда как в действительности даже в первые месяцы царствования последнего императора (не говоря уже о последующем периоде, когда он вполне освоился с ролью монарха) всё обстояло гораздо сложнее<sup>16</sup>.

Столь же рискованно освещать назначения на правительственные посты с помощью цитат из сочинений весьма сомнительных личностей, оставляя их без должного комментария. Ведь читатель книги и впрямь может поверить И.И. Колышко, писавшему, будто Д.С. Сипягин стал министром внутрен-

\* Статья подготовлена при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

<sup>16</sup> Андреев Д.А. Император Николай II в первые месяцы царствования: внешние влияния и самостоятельные решения // Российская история. 2011. № 4. С. 114—125.

них дел в результате усилий С.Ю. Витте и графов И.И. Воронцова-Дашкова и С.Д. Шереметева. Соловьёв, правда, допускает, что тут не обошлось и без московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича, но делает это с оговоркой («судя по всему») и без ссылки на источники. В подтверждение своего предположения автор приводит лишь сохранившееся в воспоминаниях гр. Шереметева упоминание о том, что великий князь в конце 1893 г. желал видеть Сипягина товарищем министра внутренних дел (с. 85—86), тогда как к осени 1899 г. ситуация существенно изменилась. Между тем назначение Сипягина главой МВД было давним, выношенным и символически значимым решением прежде всего самого Николая II: он рассматривал его как отложенное на несколько лет исполнение воли покойного отца<sup>17</sup>.

Соловьёв верно указывает на то, что в 1894—1904 гг. вдовствующая императрица Мария Фёдоровна имела «несомненное влияние» на Николая II. В частности, именно по её «инициативе» пост министра внутренних дел занял кн. П.Д. Святополк-Мирский<sup>18</sup>. Только, сообщая об этом, автор почему-то ссылается на дневниковую запись А.А. Киреева, относящуюся не ко второй половине лета — началу осени 1904 г., а к февралю 1897 г. (с. 86). «Немалую роль сыграла рекомендация» матери царя и в том, что в 1901 г. Министерство народного просвещения возглавил П.С. Ванновский. Но сведения из её переписки с Николаем II, которые приводит автор, стоило бы дополнить хотя бы свидетельствами из дневника гр. Шереметева, доказывающими, что, делая этот выбор, император учитывал и позицию Сипягина. Фигуре А.А. Клопова посвящён один абзац (с. 96—97), при этом даже не упоминается о том, что он фактически являлся кратурой вел. кн. Александра Михайловича<sup>19</sup>.

Вызывает недоумение авторская оценка вел. кн. Сергея Александровича. Несмотря на свою «репутацию человека сугубо консервативных взглядов», он будто бы «был готов солидаризироваться с противниками правительственного курса своего старшего брата — Александра III». Это наблюдение основано на единственной записи в дневнике сенатора В.П. Безобразова, сделанной в апреле 1887 г., вскоре после назначения великого князя командиром Лейб-гвардии Преображенского полка (с. 87—88). При этом сам великий князь даже ничего не заявлял, а только «вполне соглашался» с тем, что ему «решительно говорил» собеседник, который, кстати, мог и преувеличить неотразимость своих доводов. Очевидно, что подобные разговоры за завтраком никак не отражают позднейшую позицию вел. кн. Сергея Александровича, например, на посту московского генерал-губернатора. Да и другие упоминания о нём в книге Соловьёва опровергают эту характеристику.

Большое внимание в монографии уделяется двум ключевым институтам «законотворческого процесса» конца XIX — начала XX в. — Государственному совету и Комитету министров (а вместе с ними и министерской системе управления как таковой). По мнению Соловьёва, фактически существовавшее между ними «распределение обязанностей» являлось во многом «ситуативным», чётко

<sup>17</sup> См.: *Андреев Д.А.* Дмитрий Сергеевич Сипягин // Вопросы истории. 2020. № 1. С. 35—53.

<sup>18</sup> Об этом подробнее см.: *Андреев Д.А.* После В.К. Плеве: император Николай II в поисках министра внутренних дел летом 1904 г. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2011. № 4. С. 72—88.

<sup>19</sup> Это убедительно показано в статье, к сожалению, не использованной в книге: *Луконов И.В.* Тайный корреспондент Николая II А.А. Клопов // Из глубины времён. Вып. 6. СПб., 1996. С. 64—86.

не регламентировалось и зависело по существу от волеизъявления государя и его окружения (с. 192). Но из этого ещё не следует, будто «тайное» предназначение Комитета министров состояло в том, чтобы обеспечивать «руководителям ведомств» возможность «вести торг» и «уходить от личной ответственности». Колких суждений из дневников А.А. Половцова и И.А. Шестакова (с. 195) для такого вывода всё же недостаточно.

Характеризуя восприятие должности председателя Комитета министров, самого этого учреждения и его канцелярии, автор систематизирует известные и малоизвестные факты, отразившие постоянно нараставшую внутри политической системы империи потребность в объединении правительства. Даже К.П. Победоносцев, больше других помешавший такому объединению в 1881 г., «неоднократно предлагал Александру III возродить Совет министров». Сам Соловьёв допускает, что в этом случае «Совет министров мог бы заменить собой Государственный совет» (с. 138), в обход которого не раз действовали последние императоры и министры (с. 165—166). Но Александр III не желал «стеснить свободу дискуссии в кругу высших сановников» (с. 138—139) и к тому же, «в отличие от отца, не любил председательствовать на заседаниях Совета министров», а при Николае II этот орган и подавно «практически не собирался» (с. 79). Возможно, причины этого стали бы яснее, если бы автор подробнее раскрыл характер и историю данного учреждения, детально изложенные в работах В.Г. Чернухи, до сих пор не утративших своего значения<sup>20</sup>.

Так или иначе, в 1881—1904 гг. императорам приходилось брать на себя функции «медиатора» и улаживать конфликты «противоборствовавших ведомств» чаще, нежели ранее. И это не могло не усиливать их роль. Но Соловьёв почему-то полагает, что такое положение монарха «свидетельствовало не об укреплении его власти, а об упрочении позиций министерств» (с. 238).

По мнению Соловьёва, в 1881—1904 гг. «наличие публичной политики можно констатировать лишь с высокой долей условности» (с. 245). Однако собранный им в книге материал показывает иное. Хотя, конечно, элементы «публичной политики» в её российском варианте имели весьма специфические неинституализированные черты, проявляясь в виде общественного мнения или «партийного» противостояния группировок в правительстве. Так, в книге говорится о стремлении министра внутренних дел гр. Д.А. Толстого выглядеть в глазах коллег и общества творцом собственного курса (с. 256). Точно так же действовали и его предшественники — графы М.Т. Лорис-Меликов и Н.П. Игнатьев, и почти все преемники — И.Л. Горемыкин, Д.С. Сипягин, В.К. Плеве и др. Подробно описанная ещё Л.Г. Захаровой<sup>21</sup> борьба в верхах вокруг подготовки Положения о земских начальниках 1889 г. (с. 258—269) имела все признаки политического конфликта. Соловьёв видит в ней «столкновение двух групп бюрократии» (с. 269), участники которого «должны были добиться определённых политических целей, не имея шансов высказать свои политические убеждения» (с. 270). Характерно, что «и большинство, и меньшинство Государственного

<sup>20</sup> Чернуха В.Г. Конституирование Совета министров (1861 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 8. Л., 1976. С. 164—184; Чернуха В.Г. Совет министров в 1861—1882 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 9. Л., 1978. С. 90—117. Досадно, что Соловьёв далеко не всегда упоминает работы своих предшественников. Так, обращаясь к проектам созыва Земского собора, обсуждавшимся в 1881—1882 гг. (с. 74—75), он использует неопубликованную рукопись воспоминаний гр. Н.П. Игнатьева, но игнорирует другую её редакцию, изданную уже более 20 лет назад: Игнатьев Н.П. Земский собор / Публ. И.В. Лукоянова. СПб.; Кишинёв, 2000.

<sup>21</sup> Захарова Л.Г. Земская контрреформа 1890 г. М., 1968.

совета говорили на одном и том же языке, повторяли одни и те же формулы, но при этом расходились друг с другом кардинально». И всё же «усечённый вариант публичной политики не позволял надеяться на предметное обсуждение существенных вопросов государственного курса» (с. 270). Но тут же в книге показана «организованная оппозиция в Государственном совете, выискивавшая нестандартные приёмы политической борьбы» (с. 266), а также использовавшая «традиционный бюрократический механизм торможения», для пуска которого «нужно было перевести разговор в иную плоскость — высших принципов и основополагающих идей» (с. 262). Более того, автор признаёт вовлечённость в спор самого императора, опасавшегося, что в случае провала законопроекта «Государственный совет будет “ликовать победу” над ним, государем» (с. 269). Конечно, эта дискуссия не имела формы парламентских дебатов, но велась она вполне «предметно» и «по существу», что прекрасно осознавалось всеми её участниками и наблюдателями.

Вполне укладывается в рамки публичной политики, опять же с поправкой на российские условия, и соперничество Плеве и Витте. Наконец, сам Соловьёв признаёт, что «конкуренция за экспертов» между группировками бюрократов «нередко оборачивалась сражением за популярность в общественном мнении» (с. 280), а поскольку периодические издания так или иначе влияли на власть, то и благодаря прессе даже до Манифеста 17 октября 1905 г. публичная политика имела «пускать незначительное, но пространство» (с. 281). Автор весьма убедительно показывает, как именно выражалось влияние на политику «Московских ведомостей» и «Гражданина» (с. 283—294), как пользовался возможностями печати Витте (с. 295—296). К этому можно было бы добавить немало примеров, когда «партийная» борьба происходила уже не в «сферах», но захватывала довольно широкие круги общественности<sup>22</sup>.

Публичная политика действительно появляется там и тогда, где и когда предпочтения публики имеют решающее значение при выработке политических решений. В России их роль была гораздо скромнее, борьба за направление правительственного курса шла исключительно в верхах. Однако в пореформенный период она велась с оглядкой на общественное мнение, к которому постепенно относились всё более и более серьёзно.

Поэтому нет оснований считать, что в России на рубеже XIX—XX вв. всё политическое вытеснялось в некое «подполье» и приобретало «конспирологический характер» даже среди представителей высшей бюрократии. Между тем именно с этим, а также с всеобщей «убеждённости в необходимости Реформы в России» Соловьёв связывает то, что чиновники «в значительной своей части были не готовы отстаивать правящий режим» (с. 330—331). Но материал книги убеждает в обратном: вовсе не ущербность политической жизни подтачивала лояльность элиты, напротив, её возможности и соблазны оказались слишком велики для тех, кто держал в руках рычаги государственного управления, она стала для них «школой модернизации» и трансформировала прежнюю мотивацию.

Отталкиваясь от работ К. Шмитта, Соловьёв подводит читателя к мысли, что пореформенная Россия стремительно превращалась в своего рода «государство экспертов» (с. 102), которым распоряжались «технократы», обладавшие

---

<sup>22</sup> См., в частности: В.В. Розанов и К.Н. Леонтьев. «Литературные изгнанники» (материалы неизданной книги). Переписка. Неопубликованные тексты. Статьи о К.Н. Леонтьеве. Комментарии / Сост. Е.В. Иванова. СПб., 2014. С. 610—624, 653—664.

«необходимыми знаниями и опытом» (с. 122). Это «бюрократическая империя», где «в сущности именно бюрократия — правящая корпорация в стране». Она «продолжала вершить судьбы» империи и «оставалась главным героем на политической сцене», обеспечивая собственные интересы соответствующими «законодательными решениями» (с. 105, 114). Но эксперты всегда действуют в пространстве *Realpolitik*, публичный или непубличный её характер не имеет для них принципиального значения (хотя закрытость, естественно, удобнее). Во всяком случае, автору следовало бы обратить внимание на размышления Шмитта о роли «косвенной власти» для «государства экспертов»<sup>23</sup>. Наблюдения немецкого философа, безусловно, помогают понять, насколько тонкой и проницаемой была грань между публичностью и кулуарностью политики в России конца XIX — начала XX в.

Несомненным достоинством монографии является введение в научный оборот неизвестных ещё источников. Среди них — фрагмент из воспоминаний инженера А.В. Ивановского, до революции занимавшегося устройством и эксплуатацией портового хозяйства (с. 116), не вошедшие в мемуары суждения В.И. Гурко о «русской конституции», при которой царь был «лишён возможности решать хотя бы главнейшие вопросы государственной жизни на основании сведений, им лично собранных», но «в споре министров мог видеть тот же вопрос с различных сторон» (с. 229), и т.д. Вместе с тем, как ни странно, Соловьёв порой не обращается к источникам, содержащим наиболее точные сведения об интересующих его сюжетах. Так, при подсчёте количества встреч с ключевыми министрами Александра II и Александра III он использует камер-фурьерские журналы, но аналогичные данные за 1895—1904 гг. берёт из дневника Николая II (с. 80—81), хотя в нём часто просто упоминаются «доклады» не только без привязки к конкретным персонам, но и без уточнения, сколько именно их было в тот или иной день.

В целом, книга К.А. Соловьёва производит неоднозначное впечатление. Сделанные им интересные наблюдения во многом нуждаются в дополнительной аргументации и страдают от чрезмерного увлечения искусственным методологическим инструментарием<sup>24</sup>. Однако эта работа, несомненно, стала вехой в изучении позднего самодержавия, продолжая традицию, заложенную в фундаментальных трудах ленинградских учёных<sup>25</sup>.

---

<sup>23</sup> Подробнее см.: Андреев Д.А. История российской власти в имперский период: проблемы исследовательской методологии // История государственного строительства России. Пекин, 2021. С. 117—134 (на кит. яз.).

<sup>24</sup> Например, очень спорна абсолютизация концепта «политической повседневности». Подробнее см.: Андреев Д.А. Феноменология русского самодержавия на рубеже XIX—XX веков в оптике «политической повседневности» // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 2. С. 521—528.

<sup>25</sup> Кризис самодержавия в России, 1895—1917. Л., 1984; Власть и реформы: От самодержавной к советской России. СПб., 1996.